О самоубийствах

Лекция для студентов ВМА 11.09.1913 г.

Первую лекцию я посвящаю обыкновенно предмету, далекому от моей специальности, по обычаю, принятому на Западе и вполне оправданному.

Сейчас я остановлю ваше внимание на общественном явлении, явлении, пожалуй, всей человеческой жизни, и в особенности русской, — о котором нельзя не думать, о котором, естественно, подбираешь материал.

Я говорю о самоубийствах. Явление это — великая печаль русской жизни. Вообще, замечается увеличение самоубийств и в Европе, но далеко не в той степени, как у нас. Я и поделюсь с вами теми мыслями, которые возникали у меня по этому вопросу.

Как понять это странное явление — самоубийство? Инстинкт всего живого тянет жить насколько возможно, а здесь мы видим как раз обратное. Для того чтобы понять это странное явление — прямая мысль обратиться к аналогичным случаям, объяснение которых более или менее установлено. Не встречались ли мы с этим явлением раньше или в истории, или в человеческом знании? Когда я с этой точки зрения посмотрю на дело, то мне приходят в голову два исконных случая. Это, во-первых, случай болезни нервной системы. Вы, быть может, слыхали, а психиатры это хорошо знают, что в домах умалишенных одна из забот — это следить за тем, чтобы пациенты не прекратили свое существование. Это понятно. Самоубийство в таком случае есть одно из проявлений нервного расстройства. Значит, вот одна из не подлежащих сомнению причин самоубийств — болезнь нервной системы.

Есть затем другая причина, которую мне в этом году пришлось хорошо исследовать благодаря встрече со специалистом. Я както давно уже читал, что в Китае можно нанять за себя человека на смертную казнь. Мне это представлялось сказочным. В нынешнем году я встретился со специалистом по Китаю. Оказалось, что такие факты существуют и до сих пор. Можно десятками нанимать охотников на смертную казнь. Вот странное явление. Существует, значит, понижение интереса жизни как общенациональное явление. Страшная дешевка жизни! Человек сам истребляет себя! Я и уцепился за эти две причины и с ними в руках переходил к анализу таких печальных явлений, как самоубийство. Раз эти явления существуют постоянно, то, очевидно, есть постоянные причины, и их естественно предполагать и на почве нашей жизни.

Я вернусь к первой причине: нервное расстройство, болезненное состояние. Общеизвестная мысль — она встречается часто и в литературе, — что наш век есть нервный век, что в нашей жизни нервность проявляется в большей степени, чем было прежде. Какие же основания для такой болезни нервной системы? Конечно, в этом отношении причиною является изменение норм жизни, усложнение их.

В нашей русской жизни эти причины есть. Мы на протяжении новейшего времени испытали два больших изменения. 50 лет назад — отмена крепостного права; лет 10 назад — наша революция. Две огромных перемены жизни, и, конечно, они должны были сказаться. Эти перестановки, изменения жизни на нервной системе русских должны были сказываться тем больше, что в то время, как в Западной Европе уже выработаны известные сопротивления против всяких изменений, у нас этого нет. У нас чрезвычайная разница с Европой по отсутствию правил, облегчающих жизнь. У нас нет этих правил для облегчения нервной системы, чтобы человек получил меньше толчков, потрясений. Я приведу пример. При культурной жизни можно иметь какие угодно мнения, убеждения, и это не является каким-нибудь источником злобных чувств. Люди всяких мыслей встречаются приятелями. А вы знаете, как у нас? У нас человек других с нами убеждений — это наш враг. Это, конечно, ведет к тому, что лишний раз треплется у человека нервная система. И так в массе случаев. Все это ведет к тому, что наша жизнь очень тяжела.

Поводов у нас в этом отношении было достаточно. Ясно, что наша революция многое изменила, взволновала людей, а приемов, чтобы это волнение могло улечься, не дали. И нервная

система русского человека так и осталась во власти этих кризисов, ударов. Вот это дает хорошую почву для увеличения самоубийств, потому что вы всегда знаете относительно этих господ, кончающих с собой, что они отличаются нервностью. Итак, вот причины: пережитые нами кризисы и отсутствие у нас регулирующих жизнь ежеминутных правил. Можно ли ждать, что это войдет в норму? Конечно, это большой процесс. Как скоро мы переживем кризисы, как скоро выработаем правила — сказать трудно. Но в этом отношении можно воспользоваться примером западноевропейской жизни, примером, который до некоторой степени в наших руках.

Нельзя не заметить, что в культурной жизни Запада среди элементов жизни является совершенно серьезным элементом физический труд, спорт всех сортов. Там необходимость физического труда рассматривается наравне с питанием, хорошим воздухом. У нас если и занимаются спортом, то это только прихоть или мода. Правда, в последнее время эта мода дает себя знать, но я боюсь, что это именно мода. А между тем это есть самая верная мера, бьющая прямо в цель. Мы говорим о расшатанности нервной системы, а нет никакого сомнения, что регулярная физическая работа есть вернейшее средство, чтобы расшатанную нервную систему опять вставить в рамки. Я в долгие разговоры входить не могу. Скажу несколько соображений. Это истина, с которой едва ли можно спорить, что мы с вами — наследники огромной физиологической жизни. Нам предшествовала долгая история. Наши предки ходили в других условиях жизни в виде животных. Их нервная деятельность выражалась в совершенно определенных деловых отношениях с внешней природой, с другими животными и всегда выражалась в работе мускульной системы. Им приходилось или бежать от врага, или бороться с ним и т.д. Деятельность животных всегда протекает деловым образом в виде деятельности мускульной системы. Следовательно, вам должно быть понятно, что в том маленьком слое животной жизни, который изображаем мы с вами в виде человечества, природным фундаментом должна быть мышечная система. И наша нервная деятельность без мышечной — это новость в зоологическом мире. Вы ведь знаете, что в низших классах, если только работа их не становится чрезмерной, нервных болезней почти нет. Это болезни высших классов. И имеется масса наблюдений, которые показывают, до какой степени возврат к основной деятельности организма — мускульной — ведет к урегулированию нервной деятельности.

В этом отношении я всегда был приверженцем, любителем физической работы. И я на собственном примере знаю, до какой степени она хорошо действует. Я много раз помню разные тяжелые жизненные положения и могу сказать с полной убежденностью, до какой степени меня выручала физическая работа там, когда я умственно и нервно совершенно терялся. И я думаю, что один из приемов, чтобы выйти из тяжелого нервного состояния, — это есть утверждение в жизнь физической работы. К сожалению, в русской жизни совершенно не сознано, что судьба жизни страшно зависит от маленьких житейских правил. У нас занимаются теперь очень много спортом, но я боюсь, что это обычная мода, что это не войдет в необходимое правило русской жизни. Это относительно первой причины.

Вторая причина — это потеря интереса к жизни. Что это действительно приложимо к нашей жизни, видно из массы ежедневных газетных заметок о самоубийствах. Сплошь и рядом в них встречается фраза «разочаровался в жизни». Я не буду входить подробно в то, как происходит это обесценивание жизни.

Можно представить массу случаев, как это же наблюдается и в относительно здоровом организме. Отчего же происходит такое разочарование? Ну, здесь играет, быть может, роль некоторая повышенная требовательность к жизни. Это в нашей русской жизни есть, после революции. Человек как бы так рассуждает: «А, ты (жизнь) мне не даешь всего, так я уйду».

Я для объяснения обращусь к корню явления. В этом случае я опять поворачиваю к физиологии. Хотя это еще не вошло в физиологию, но мне ясно, что это та же физиология. Мне много приходилось думать, и я пришел к такой формулировке жизненных явлений. *Я убежден, что в человеческом организме существует помимо известных инстинктов,* например к жизни и т. д., *существует еще стремление, плохо формулированное, мало отмеченное, но в высшей степени важное. Это стремление, этот инстинкт я называю инстинктом достижения цели.* Животное, как и человека, что-то толкает достигать раз поставленную цель. Это такая же потребность, как потребность в еде, половых сношениях и т.д. Я возьму примеры. Возьмите ничтожного муравья и против этого муравья поставьте кучу муравейника, которую он сделал. Кучи бывают очень большие, и их сделал этот муравей. Что-то толкало его потратить грандиозную массу труда. Возьмите птицу, которая летит к югу через половину земного шара. Припомните гнезда птиц, страшно сложные. Для того чтобы все это сделать, надо, чтобы был инстинкт. Вот эти факты и приводят меня к убеждению, что в человеческом и

животном организме имеется инстинкт достижения цели. Если вы обратитесь к русской жизни, то убедитесь, что можно видеть массу проявлений этого инстинкта. Вы заметьте, что каждый раз, когда у человека нет никакого дела, он испытывает состояние скуки, неинтереса к жизни. И наоборот, как интересна жизнь, когда перед человеком имеется какая-нибудь цель. Если вы переберете жизнь, то вы увидите, до какой степени на каждом шагу дает себя знать этот инстинкт как в маленьких вещах, так и в больших.

Возьмем большой пример. Гениальный человек гоняется за истиной, которая ему долго не дается. Вы посмотрите, как он возбужден, когда идет к истине, и как сразу падает интерес, когда эта цель достигнута. До какой степени длинен этот период возбуждения, когда он стремится к цели, и как падает интерес, когда он достигает цели. Цель достигнута, и с этим интерес кончается. Пока цель не достигнута, человек готов умереть за нее, а затем делается к ней холодным. Это крупный пример. Возьмите теперь мелкие явления жизни, я это на себе переживал. Возьмите коллекционерство. Вы знаете, что люди коллекционируют все, что угодно: марки, перья. И если вы переберете факты своей жизни, вы поразитесь, как часто собирание таких пустяков связано с такими большими надеждами, радостями, печалями. Ну, что такое перо, что за радость такая? А я знаю, как солидные люди из-за какой-нибудь марки забывают даже интересы семьи, им дорогой. Что это значит? Я анализом прихожу к тому, что это есть иллюстрация инстинкта достижения цели. Возьмите опять коллекционерство. У вас есть бесконечная цель — собрать марки. Ни один миллионер не в состоянии собрать всех марок, цель всегда недостижима. А рядом с этим каждая марочка есть приближение к цели и доставляет удовольствие. И вот с этим коллекционированием я и вижу стремление к достижению цели. Иначе понять нельзя. Возьмите свою работу. Вам всегда нужны этапы. Вы что-нибудь пишете, читаете, вы всегда дробите работу на части, чтобы скоро достигнуть цели хоть маленькой. Это обычное стремление — разделить работу на кусочки, чтобы достичь цели по частям.

...Итак, я прихожу к убеждению, что в человеческой натуре существует и инстинкт достижения цели, и сознание этого инстинкта, правильная практика его есть одна из задач человеческой жизни и условий человеческого счастья. Вот в этом отношении мы, русские, поставлены сейчас плоховато. Ясно, что нации различаются по степени этого инстинкта. И мы, вероятно, не в первых рядах тех наций, у которых этот инстинкт хоро-

шо развит. Возьмите англосаксонскую нацию или еврейскую. В них этот инстинкт невероятно бьет в глаза. Несколько лет тому назад я был поражен одной мыслью, которую случайно встретил в газете. Это была фраза какого-то агитатора христианских студенческих обществ, фраза, которую он сказал в Юрьевском университете. Он задал вопрос: «Какое условие успеха при достижении цели?» И дал такой ответ, который никогда мне в голову не пришел бы, и я уверен, не пришел бы и в голову русского человека вообще. Он сказал: «Существование препятствий». Мы ведь всегда говорим наоборот. Очевидно, понять этот ответ можно так. Если нет препятствий, то человек недостаточно раздражается, не получает толчков для работы. А это и есть доказательство инстинкта. Чем больше препятствий, тем больше действует инстинкт.

Мы в этом отношении печально отличаемся от других наций, и на эту черту надо обратить серьезное внимание. Мы все откладываем на завтра.

Нет сомнения, что у нас этот инстинкт очень слаб. А между тем ясно, что этим инстинктом определяется вся сила, вся краса жизни. Если вы достигаете целей, то жизнь приобретает для вас огромный интерес. И если человек стоит на практике этого инстинкта, у него не может быть разочарования, он переходит от цели к цели. Мне и представляется, что если русский человек в целой массе осознает огромное значение этого инстинкта, если он будет практиковать этот инстинкт, то этим страшно повысится жизнь и ее ценность.

Понятно, что этот инстинкт в силу различных исторических условий у нас не мог развиваться. Но теперь наша жизнь начинает образовываться. Крепостное право, слава Богу, уничтожено. Непременное спекание бюрократии тоже отходит в область предания. Нет сомнения, что и в системах воспитания будет...

В этом отношении поразительную практику установили англичане. С одной стороны, там много норм жизни, которых никто не может преступить. А рядом с этим идет тут же строгая практика инстинкта достижения цели. Несколько лет тому назад мне пришлось познакомиться с устройством английской школы, с гимназическими порядками. Директор, показывая мне гимназию, говорил, что он автократ, самодержец. Что же оказалось?

Есть, действительно, известные нормы, на которых он стоит до последней степени твердо. А рядом с этим у мальчиков есть такие права, которых он не может отменить... Так что удивительное сочетание, с одной стороны, принципа власти, порядка, а с

другой — самодеятельность учеников. Маленький мальчик ставит себе задачу и должен ее достигнуть, и никто ему не может препятствовать. И это в официальном учреждении.

Так вот, я нахожу, что если обратиться к корню вещей, то явления самоубийства представляются в виде падения инстинкта достижения цели. А это падение основано частью на исторических условиях, а частью на отсутствии мысли о том, что есть такой инстинкт, который надо сознавать и беречь, и тогда он страшно украсит жизнь как личную, так и коллективную.

Я и думаю, что если человек вечно будет с целью, которую надо достигать, то он не разочаруется в жизни. Если же человек живет бесцельно, вот у него минута, час, и он не знает, что ему делать, вот у него день, месяц — а иные и всю жизнь свою не знают, за что взяться, — то, конечно, можно разочароваться. Жизнь может надоесть. Наоборот, если каждую минуту человек будет с задачей, целью, делом, то не только дни и месяцы, а и вся жизнь окажется малой для достижения тех целей, которые будет человек себе ставить. Тогда можно будет видеть людей, которые до конца дней своих горят своими целями...